

Висенте Бласко-Ибаньес

Майский цветок

Висенте Бласко-Ибаньес

Майский цветок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3167345

Аннотация

«Дѣло было постомъ, во вторникъ. Утро выдалось прекраснѣйшее. Море спокойное, гладкое, точно зеркало, спало безъ малѣйшей ряби, а отблески солнца падали на неподвижную воду дрожащими зопотыми треугольниками. Лодки, тянувшія за собой сѣти мимо мыса св. Антонія, были чужды всякой тревоги; тишь на морѣ внушала довѣріе, и хозяева ихъ стремились поскорѣе наполнить свои корзины, чтобы вернуться въ Кабаньяль, гдѣ рыбачьи жены нетерпѣливо ждали на взморѣ. На базарѣ въ Валенсіи спросъ былъ великъ, и рыба, слава Богу, шла съ рукъ легко...»

Содержание

I	4
II	32
III	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Висенте Бласко Ибаньесъ

Майскій цвѣтокъ

I

Дѣло было постомъ, во вторникъ. Утро выдалось прекраснѣйшее. Море спокойное, гладкое, точно зеркало, спало безъ малѣйшей ряби, а отблески солнца падали на неподвижную воду дрожащими зопотыми треугольниками. Лодки, тянувшія за собой сѣти мимо мыса св. Антонія, были чужды всякой тревоги; тишь на морѣ внушала довѣріе, и хозяева ихъ стремились поскорѣе наполнить свои корзины, чтобы вернуться въ Кабаньяль¹, гдѣ рыбацьи жены нетерпѣливо ждали на взморѣ. На базаръ въ Валенсіи спросъ былъ великъ, и рыба, слава Богу, шла съ рукъ легко.

Въ полдень погода измѣнилась. Началь дуть низовой вѣтеръ, очень опасный въ заливѣ; море покрылось легкой рябью; приближеніе бури всколебало гладкую воду, принявшую свинцовый оттѣнокъ; съ горизонта налетѣли тучи и закрыли солнце.

Подиялась тревога. Ураганъ предвѣщаль бѣднякамъ, при-
выкшимъ къ бѣдамъ на морѣ, одну изъ тѣхъ бурь, которыя

¹ Одинъ изъ кварталовъ предмѣстья Валенсіи, называемаго Грао. Кабаньяль расположенъ вдоль песчаного взморья.

не обходятся безъ челоѣческихъ жертвъ.

Женщины, подгоняемыя вѣтромъ, раздувавшимъ ихъ юбки, волновались и растерянно бѣгали по песку, сами не зная куда, причемъ испускали ужасные вопли, призывая всѣхъ святыхъ; тогда какъ мужчины, блѣдные, сосредоточенные, покусывая сигаретки и прячась за лодками, оставшимися на берегу, наблюдали темнѣвшій горизонтъ спокойными и пронизательными взорами моряковъ, не спуская глазъ со входа въ гавань, съ выдававшагося впередъ Левантинскаго мола, гдѣ начинали биться о красныя скалы первыя высокія водны, разлетавшіяся кипучей пѣной.

Мысль обо всѣхъ этихъ отцахъ, которыхъ буря застигла за добываніемъ хлѣба для своихъ семействъ, кидала въ дрожь; и при каждомъ порывѣ бури, налетавшемъ на береговыхъ зрителей, послѣдніе думали о крѣпкихъ мачтахъ и о треугольныхъ парусахъ, можетъ быть, въ эту минуту уже превращенныхъ въ щепки и тряпки.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ полудня, на все болѣе темнѣвшемъ горизонтѣ показался рядъ парусовъ, исчезающій и опять выплывавшій, словно подвижные клочья пѣны. Лодки приближались въ безпорядкѣ, какъ напуганное стадо, качаясь на свинцовыхъ волнахъ, убѣгая отъ неумоимаго и бѣшенаго урагана, который, каждый разъ, какъ настигалъ ихъ, будто радовался, отрывая то клочъ холста, то кусокъ мачты, то доску отъ руля и, наконецъ, приподнявъ цѣлую гору зеленоватой воды, обрушивалъ ее на измученную лодку.

Растрепанные женщины, обезумѣвши отъ горя, охрипши отъ криковъ, возсылаемыхъ къ небу, бѣжали по Левантинскому молу, рискуя сдѣлаться жертвою волнъ, хлеставшихъ скалы; всѣ мокрыя отъ пѣны, брызгавшей на нихъ съ бурнаго моря, онѣ трепетно всматривались въ горизонтъ, какъ будто надѣясь, несмотря на разстояніе, увидѣть медленную и страшную агонію своихъ близкихъ.

Многимъ лодкамъ удалось пристать къ берегу, но когда наступилъ вечеръ, на лицо оказались не всѣ. Боже мой! Что могло ихъ постигнуть? Ахъ! Счастливы были тѣ женщины, которыя въ этотъ часъ обнимали на пристани вернувшихся мужей и сыновей, тогда какъ другія менѣе счастливыя, знали, что ихъ милые плывутъ въ гробу среди мрака, прыгая съ волны на волну, проваливаясь въ прожорливыя бездны, слыша скрипъ разѣзжающихся подъ ногами досокъ и ожидая себѣ на голову грозную гору воды.

Дождь шелъ всю ночь, что не помѣшало многимъ женщинамъ просидѣть до зари на молѣ, въ черной каменноугольной грязи; завернутыя въ свои промокшіе плащи, онѣ молились громкими воплями, чтобы слышнѣе было глухимъ на небесахъ, а порою прекращали молитвы, начиная рвать себя за волосы и, въ порывѣ гнѣва и ненависти, кидать въ небо ужасныя богохульства рыбнаго рынка.

Лучезарная заря! Солнце показало свой лицемѣрный ликъ за крайними предѣлами стихшаго моря, еще испещренаго пѣною минувшей ночи; оно кинуло на воды длинный

поясь золотистыхъ и подвижныхъ рефлексовъ, оно разукрасило всю природу. Можно было подумать, что здѣсь ничего не случилось. А между тѣмъ, первымъ предметомъ, который освѣтили его лучи на Назаретскимъ взморѣ, казался разбитый остовъ норвежской бригадины, раздробленной, засыпанной пескомъ, съ развороченными и превращенными въ щепки бортами, со сломанными мачтами, мочившими въ водѣ обрывки парусовъ.

Судно это везло съ сѣвера грузъ строевого лѣса. Тихо колеблясь, море гнало его къ берегу. Громадныя бревна, толстыя доски подхватывались толпой, кишѣвшей на берегу, и исчезали, точно поглощенные пескомъ.

Эти муравьи работали проворно. Буря была имъ выгодна. По дорогамъ Рузафы торопливо развозились прекрасныя балки, долженствовавшія превратиться въ крыши для новыхъ избъ. Береговые пираты весело подгоняли своихъ воловъ и лошадей, чувствуя себя законными владѣльцами добычи и не затрудняясь мыслями о томъ, что эти бревна могли быть забрызганы кровью несчастныхъ иностранцевъ, которыхъ они видѣли мертвыми на пескѣ.

Таможенные сторожа и праздная толпа, скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ испугомъ, стояли группами вокругъ нѣсколькихъ труповъ, лежавшихъ у воды: то были видныя, рослыя, бѣлокурыя, мускулистые парни, крѣпкое тѣло которыхъ, бѣлое, точно у женщинъ, просвѣчивало сквозь рваную одежду, между тѣмъ какъ голубые глаза, мутныя и неподвиж-

ные, устремлены были на небо съ выраженіемъ недоумѣнія.

Гибель норвежской бригашины была наибольшею изъ бѣдъ, причиненныхъ бурей. Объ этой катастрофѣ написали въ газетахъ. Горожане изъ Валенсіи собрались, точно на богомолье, чтобы издали поглядѣть на судно, увязшее до снастей въ зыбучемъ пескѣ; и всѣ, забывъ о рыбацкихъ лодкахъ, съ удивленіемъ оборачивались на стоны женщинъ, къ которымъ еще не вернулись ихъ мужья.

Впрочемъ, несчастье оказалось менѣе значительнымъ, чѣмъ думали сначала. По спокойному морю подплыло нѣсколько лодокъ, которыя считались погибшими. Убѣгая отъ бури, онѣ попали въ Денію, Гандію или Кульеру; при появленіи каждой изъ нихъ раздавались крики радости, возгласы благодарности всѣмъ святымъ, приставленнымъ въ хранители къ людямъ, которые зарабатываютъ себѣ хлѣбъ на морѣ.

Только одна лодка такъ и не вернулась, — лодка дяди Паскуало, одного изъ самыхъ усердныхъ работниковъ въ Кабаньялѣ, вѣчно въ погонѣ за копейкой, рыбака зимой, а лѣтомъ контрабандиста, храбраго на морѣ и постояннаго посѣтителя береговъ Алжира и Орана, которые онъ попросту называлъ «берегъ, что напротивъ», точно говоря о тротуарѣ черезъ улицу.

Его жена, Тона, провела на молѣ болѣе недѣли, вмѣстѣ съ двоими ребятами, изъ которыхъ одинъ былъ на рукахъ, а другой, уже большенькій, держался за ея юбку. Она ждала своего Паскуало и при каждомъ новомъ извѣстіи начинала

вопить, рвать себѣ волосы и шумно призывать Пресвятую Дѣву.

Рыбаки не высказывались опредѣленно, но, говоря съ нею, принимали мрачный видъ. Они видѣли, какъ лодку несло бурю мимо мыса св. Антонія уже безъ парусовъ: слѣдовательно, она не могла пристать къ берегу; а одному даже показался, будто ее подхватила сбоку громадная, быстрая волна; но онъ не могъ сказать съ увѣренностью, ускользнула ли лодка или же была потоплена.

И несчастная женщина продолжала ждать вмѣстѣ со своими ребятами, столь же быстро приходя въ отчаяніе, какъ и утѣшаясь надеждами; но, наконецъ, по прошествіи двѣнадцати дней, таможенная лодочка, крейсировавшая вдоль берега ради надзора за контрабандою, притащила за собою лодку дяди Паскуало, килемъ вверхъ, черную, блестящую отъ морской слизи, подобную громадному гробу и окруженную стаями странныхъ рыбокъ, маленькихъ чудовищъ, очевидно привлеченныхъ добычею, которую они почуяли сквозь доски.

Лодку вытянули на берегъ. Мачта была сломлена у самой палубы, трюмъ – полонъ воды. А когда рыбаки ухитрились залѣзть туда, чтобы вычерпать эту воду ведрами, то ноги ихъ, проникши между снастями и кучами корзинокъ, уперлись во что-то мягкое и липкое, вызвавшее инстинктивные крики ужаса. Тамъ былъ покойникъ. Погрузивши руки въ воду, они вытащили раздутый, зеленоватый трупъ съ громаднымъ жи-

вотомъ, готовымъ лопнуть, съ размноженною головою, представлявшею собою безформенный студень; и все это мертвое тѣло грызли прожорливыя рыбки, которыя, не отрываясь, щетиною стояли на немъ и, дергая, заставляли его вздрагивать, отчего на головахъ зрителей волосы поднимались дыбомъ.

Это былъ дядя Паскуало, но въ столь ужасномъ видѣ, что вдова, хотя завыла отъ отчаянія, однако не рискнула прикоснуться къ отвратительному трупу. Прежде чѣмъ потопить лодку, волна сбросила рыбака въ трюмъ, гдѣ онъ такъ и остался, убитый сразу, найдя себѣ могилу въ томъ досчатомъ кузовѣ, который составлялъ мечту всей его жизни и являлся результатомъ тридцатилѣтней бережливости, копившей грошъ за грошемъ.

Кабаньяльскія кумушки принялись бѣшено вопить, видя, какъ море награждаетъ людей, имѣющихъ храбрость работать на немъ; ихъ погребальные вопли проводили до кладбища гробъ, въ который положены были истерзанные и разложившіеся останки.

Впродолженіе недѣли о дядѣ Паскуало говорилось много. Но затѣмъ люди перестали вспоминать о немъ, кромѣ какъ при встрѣчахъ со вдовою, которая все вздыхала, ведя за руку одного малыша, а другого неся на рукахъ.

Бѣдная Тона плакала не только о гибели мужа. Она предвидѣла нищету и притомъ не такую, какую еще можно вынести, а такую, которая ужасаетъ даже бѣдняковъ: ту, что

лишаетъ крова и принуждаетъ несчастныхъ протягивать руки на улицахъ, чтобы вымолить копейку или заплѣсневѣлую корку.

Пока ея несчастье было новостью, она не оставалась безъ помощи; подаянія и сумма, собранная въ окрестности по подпискѣ, обезпечили ее на три или четыре мѣсяца. Но люди забываютъ быстро. Вскорѣ въ Тонѣ перестали видѣть вдову утонувшаго: она явилась просто нищенкой, надоѣдающей всему свѣту хныкаиьемъ и клянченьемъ. Въ концѣ концовъ, многія двери закрылись передъ нею, многія задушевные пріятельницы, когда-то встрѣчавшія ее лишь съ привѣтливыми улыбками, стали отворачиваться съ пренебреженіемъ.

Но не такая женщина была Тона, чтобы растеряться отъ общественнаго презрѣнія. Вотъ еще! Она довольно наплакалась. Пришла пора добывать себѣ пропитаніе, какъ надлежитъ доброй матери съ парюю здоровыхъ рукъ и парюю открытыхъ ртовъ, постоянно просящихъ ѣсть.

Одна у нея была на свѣтѣ собственность: разбитая лодка, въ которой погибъ ея мужъ, гнила на пескѣ, заливаемая дождями или высыхаясь отъ солнца и давая пріютъ въ щеляхъ своихъ цѣлымъ тучамъ москитовъ. Смышленная Тона кое-что придумала. На томъ мѣстѣ, гдѣ валялось судно, она затѣяла цѣлое предпріятіе. Гробъ отца долженъ былъ прокормить вдову и сиротъ.

Родственникъ покойнаго Паскуало, дядя Маріано, старый холостякъ, слывшій богатымъ и выказывавшій нѣкоторую

благосклонность къ дѣтямъ Тоны, помогъ вдовѣ и, несмотря на свою скупость, далъ ей денегъ на обзаведеніе.

Одинъ бокъ лодки распилили сверху донизу, чтобы устроить входъ. На кормѣ появился небольшой прилавокъ, за нимъ помѣстились два-три боченка водки, простой и можжевеловой, а также и вина. Палуба уступила мѣсто крышѣ изъ толстыхъ просмоленныхъ досокъ, отъ чего эта темная лачуга стала нѣсколько повыше. На носу и на кормѣ изъ оставшихся досокъ вышло двѣ конурки, похожія на каюты, одна — для вдовы, другая — для дѣтей, а передъ дверью устроены были тростниковый навѣсъ, въ тѣни котораго не безъ гордости красовались два хромыя стола и полдюжины табуретокъ. Итакъ, разбитая лодка превратилась въ кабачокъ, близъ того зданія, гдѣ помѣщались быки, употребляемые для тяги бичевой, и рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ выгружается рыба и гдѣ всегда толпится много народа.

Кабаньяльскія кумушки были внѣ себя отъ изумленія. Сущимъ чортомъ оказалась эта Тона. «Смотрите, какъ сумѣла устроиться!» Боченки и бугылки чудеснымъ образомъ пустѣли: рыбаки предпочитали пить здѣсь, чѣмъ ходить черезъ все взморье въ кабаньяльскіе кабаки; а въ тѣни навѣса, на хроменькихъ столикахъ, они перекидывались въ картишки въ ожиданіи часа выхода въ море, оживляя игру нѣсколькими глотками рома, получаемаго Тоною прямехонько изъ Кубы, въ чемъ она клялась именемъ Бога!

Разбитая лодка плыла на всѣхъ парусахъ. Въ тѣ времена,

когда, перелетая съ волны на волну, она выкидывала въ море сѣти, ни разу не случилось ей дать столько барыша дядѣ Паскуало, сколько теперь давали вдовѣ ея обломки, старые и превращенные въ кабачекъ.

Это доказывалось постепеннымъ ея украшеніемъ.

Въ обѣихъ каютахъ появились превосходныя саржевыя занавѣски; а когда онѣ раздвигались, то можно было видѣть новые матрацы и подушки въ бѣлыхъ наволочкахъ. На прилавкѣ, точно слитокъ золота, блисталь ярко вычищенный кофейникъ. Лодка, выкрашенная въ бѣлый цвѣтъ, утратила мрачный видъ гроба, напоминавшій о катастрофѣ, и, по мѣрѣ процвѣтанія заведенія, расширялись постройки и разрослось хозяйство. По горячему песку, съ граціознымъ развальцемъ бѣгало болѣе двадцати куръ подъ командою задорнаго и крикливаго пѣтуха, готоваго къ бою со всѣми бродячими собаками взморья; изъ-за тростниковаго плетня слышалось хрюканье свиньи, страдавшей астмою отъ ожиренія, а подъ навѣсомъ противъ прилавка не погасали двѣ жаровни со сковородами, гдѣ разогрѣвался рисъ и шипѣла рыба, румянясь въ голубоватыхъ парахъ оливковаго масла.

Тутъ водворилось благосостояніе, изобиліе. Разбогатѣть было не изъ чего, но на безбѣдную жизнь хватало. Тона самодовольно улыбалась, думая, что у нея нѣтъ долговъ, и любуясь потолкомъ, съ котораго свѣшивались копченыя колбасы, блестящіе сосиски, копченая и нарѣзанная полосами скумбрія, окорока, посыпанные краснымъ перцемъ, а затѣмъ, пе-

реводя взоръ на полныя боченки, разнокалиберныя бутылки, въ которыхъ сверкали разноцвѣтныя напитки и всевозможныя сковородки, висѣвшія на стѣнкѣ въ готовности принять въ себя всякую вкусную снѣдь и зашипѣть на жаровнѣ.

Какъ вспомнишь, что въ первый мѣсяцъ вдовства ей приходилось голодать!.. Теперь, сытая и довольная, она повторяла по всякому поводу: «Нѣтъ, что тамъ ни говори, Богъ никогда не покидаетъ честныхъ людей».

Благосостояніе и обезпеченность вернули ей молодость; она растолстѣла у себя въ лодкѣ и стала лосниться точно упитанная мясничиха. Защищенное отъ солнца и сырости, лицо ея не имѣло того темнаго и сухого вида, какой бываетъ у женщинъ, работающихъ на взморьѣ; надъ прилавкомъ вздымалась ея объемистая грудь, на которой смѣнялись безчисленные шелковые платочки цвѣта «яйца съ томатомъ» т. е. затканные красными и желтыми узорами.

Она позволила себѣ даже роскошь художественныхъ украшеній. На задней стѣнѣ «магазина», выкрашеннаго въ бѣлую краску, въ промежуткахъ между бутылками, появилась коллекція дешевыхъ хромофотографій, своею яркостью затмевавшихъ даже великолѣпныя платочки, и рыбаки, угощающіяся подъ навѣсомъ, любовались красовавшимися надъ прилавкомъ: Охотою на льва, Смертью праведника и Смертью грѣшника, Лѣстницею жизни и полудюжиною святыхъ, въ числѣ которыхъ, безъ сомнѣнія, находился св. Антоній, а также Худымъ купцомъ и Жирнымъ купцомъ – символиче-

скими изображеніями того, кто торгуетъ въ кредитъ и того, кто продаетъ за наличныя.

Конечно, она имѣла основаніе быть довольной, видя, что дѣти ея растутъ сытыми. Торговля развивалась день ото дня, к старый чулокъ, хранившійся въ ея каютѣ подъ туго набитымъ матрацомъ ея кровати, мало-по-малу наполнялся серебряными монетами.

Порою она не могла преодолѣть желанія охватить однимъ взглядомъ всю совокупность своего богатства; тогда она сходила къ морю. Оттуда она внимательно созерцала куриный загонъ, кухню подъ открытымъ небомъ, свиной сарайчикъ, гдѣ хрюкала розовая свинья, лодку съ выпилленнымъ бокомъ, сверкавшую среди плетней и заборовъ ослѣпительной бѣлизной своей кормы и своего носа, точно волшебный корабль, который буря выкинула бы какъ разъ посреди хуторского двора.

Впрочемъ, она трудилась много. Спать приходилось мало, вставать — рано, и часто посреди ночи внезапные удары въ дверь заставляли ее вскакивать и угощать рыбаковъ, прибывшихъ съ моря и собиравшихся, выгрузивъ рыбу, опять отплыть еще до зари.

Эти ночные кутежи бывали всего выгоднѣе, но при томъ и всего хлопотливѣе для трактирщицы. Она хорошо знала этихъ людей, которые, проплававъ цѣлую недѣлю, хотятъ въ нѣсколько часовъ насладиться всеми земными радостями сразу. На вино они кидались, какъ москиты. Старики засы-

пали тутъ же на столъ, не выпуская угасшихъ трубокъ изъ сухихъ губъ; но молодежь, крупные и здоровенные парни, возбужденные трудовою и воздержною жизнью на моръ, такъ зарились на синю² Тону, что ей приходилось сердито поворачивать имъ спину и всегда быть готовою къ самозащитѣ отъ грубыхъ ласкъ этихъ тритоновъ въ полосатыхъ рубахахъ.

Никогда не была она очень красивою; но зарождавшаяся полнота, широко раскрытые черные глаза, цвѣтущее смуглое лицо, а болѣе всего – легкость одежды, въ которой лѣтними ночами она прислуживала гостямъ, дѣлали ее красавицею въ глазахъ этихъ безхитростныхъ молодцовъ, которые въ ту минуту, какъ поворачивали лодки къ Валенсіи, радостно мечтали о свиданіи съ синьей Тоной.

Но она была женщина храбрая и умѣла держать себя съ ними. Никогда она не сдавалась. На слишкомъ смѣлые подходы она отвѣчала дерзостями, на щипки – пощечинами, на насильственные поцѣлуи – здоровыми ударами ноги, отъ которыхъ не разъ катались по песку парни, столь же крѣпкіе, какъ мачты ихъ лодокъ. Она не хотѣла становиться въ двусмысленное положеніе, какъ дѣлаютъ многія другія; она не позволяла относиться къ ней легкомысленно! Сверхъ того, у нея были дѣти: оба малыша спали тутъ же, отгороженные отъ прилавка лишь досчатой переборкой, сквозь которую слышень былъ ихъ храпъ; и единственной ея заботой было – прокормить свое маленькое семейство.

² Синья – мѣстное сокращеніе слова сеньора.

Будущность ребятъ начинала ее тревожить. Они росли на взморѣ, какъ молодыя чайки, заползая въ часы зноя подъ брюхо лодокъ, вытщенныхъ на берегъ, а въ остальное время забавляясь у моря сборомъ раковинъ и камешковъ, причемъ ихъ ножки шоколаднаго цвѣта тонули въ густыхъ слояхъ водорослей.

Старшій Паскуало былъ живымъ портретомъ отца. Шаровидный, пузатенькій, круглолицый, онъ походилъ на здороваго семинариста, и моряки прозвали его «Ректоромъ», каковое прозвище и осталось за нимъ навѣкъ.

Онъ былъ на восемь лѣтъ старше маленькаго Антонио, ребенка худощаваго, нервнаго и капризнаго, съ глазами такими же, какъ у Тоны.

Паскуало окружалъ маленькаго брата искренней материнской заботливостью. Пока синья Тона бывала занята своимъ дѣломъ, добрый ребенокъ возился съ малюткой, какъ усердная нянька, и уходилъ играть съ мальчишками на берегу, никогда не оставляя дома бѣшенаго малыша, который брыкался, грызъ ему плечо и выдиралъ ему волосы на затылкѣ. Ночью, въ тѣсной каютѣ, превращенной въ спальню, лучшее мѣсто уступалось младшему, а старшій терпѣливо забивался въ уголь, чтобы просторнѣе спалось на матрацѣ этому чертенку, который, несмотря на свою слабость, былъ настоящимъ тираномъ.

Въ тѣ дни, когда волны бушевали и зимній вѣтеръ дулъ, врываясь въ щели между досками, подъ глухой ревъ моря,

доносившійся до ихъ лодки, дѣти засыпали одинъ въ объятіяхъ другого, подъ общимъ одѣяломъ. Бывали ночи, когда ихъ будилъ шумъ попоекъ, которыми рыбаки праздновали свое прибытіе. Они слышали сердитый голосъ матери, приведенной въ негодованіе, звонкій звукъ ловкой пощечины, и не разъ перегородка ихъ каюты вздрагивала и гудѣла отъ внезапнаго паденія свалившагося тѣла. Но въ своемъ невинномъ невѣдѣніи, чуждые страха и подозрѣній, они вскорѣ засыпали вновь.

По отношенію къ дѣтямъ синья Тона допускала несправедливую слабость. Въ первое время своего вдовства, глядя на нихъ по ночамъ, когда они спали въ своей тѣсной каютѣ, сдвинувъ головки и покоясь, можетъ быть, на той самой доскѣ, о которую разможилъ себѣ голову ихъ отецъ, она испытывала глубокое волненіе и плакала, какъ будто опасаясь лишиться и ихъ. Но въ послѣдствіи, когда годы нѣсколько изгладили воспоминаніе о катастрофѣ, живя въ достаткѣ, она невольно высказывала больше любви своему Антонію, этому граціозному существу, повелительному и грубому со всякимъ, за исключеніемъ только матери, къ которой онъ ласкался съ прелестью рѣзваго котвенка.

Вдова приходила въ восторгъ отъ этого шалуна, который вѣчно шатался по берегу и въ семь лѣтъ пропадалъ цѣлыми днями, возвращаясь лишь къ ночи съ платьемъ въ лохмотьяхъ и съ пескомъ въ карманахъ. Старшій, напротивъ, свободный теперь отъ ухода за младшимъ, съ утра до вечера мы-

ль стаканы въ кухнѣ, прислуживаль гостямъ, кормилъ куръ и свинью и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ наблюдалъ за сковородками, шипѣвшими на жаровняхъ.

Когда мать, полудремля за прилавкомъ въ часы зноя, оставливала взоръ свой за Паскуало, она всегда испытывала живѣйшее изумленіе: ей воображалось, будто она видитъ своего мужа въ ту пору, какъ съ нимъ познакомилась, когда онъ служилъ юнгою на рыбацкѣй лодкѣ. Передъ нею было то же лицо, круглое и улыбающееся, то же коротковатое и широкое туловище, тѣ же толстыя и короткія ноги. Въ сферѣ духовной сходство было не менѣе велико. Подобно отцу, сынъ отличался честною простотою, усердіемъ къ работѣ, спокойною настойчивостію, за что всѣ почитали его «человѣкомъ серьезнымъ». Очень добрый и очень робкій, онъ доходилъ до озвѣрѣнія, когда являлась возможность зашибить копейку; и онъ безумно любилъ море, этого щедраго кормильца безтрепетныхъ людей, умѣющихъ добывать изъ него пищу. Въ тринадцать лѣтъ онъ ужъ не мирился съ жизнью въ кухнѣ и неловко выражалъ свое къ ней отвращеніе безсвязными словами, отрывочными и нѣсколько неясными фразами, такъ какъ ничего другого не складывалось въ его туго изображавшей головѣ. Онъ не рожденъ для службы въ трактирѣ: это дѣло черезчуръ легкое, годное для его брата, который не очень то любитъ работать. А онъ силенъ и крѣпокъ, любитъ море и хочетъ стать рыбакомъ.

Синья Тона пугалась, когда слышала это и отвѣчала на-

поминаніями о страшной катастрофѣ, приключившейся по-
стомъ во вторникъ. Упрямый подростокъ настаивалъ: та-
кія несчастія бываютъ не каждый день, и разъ, у него есть
призваніе, онъ долженъ дѣлать дѣло своихъ отца и дѣда,
что много разъ повторялъ дядя Борраска, владѣлецъ лодки,
большой пріятель покойнаго Паскуало.

Наконецъ, въ ту пору, когда начиналась «ловля быками»³,
мать уступила, и Паскуало нанялся къ старику Борраскѣ въ
юнга или «лодочныя кошки» безъ жалованья, эа харчи и
«рыбій бракъ», въ составъ котораго входятъ мелкая рыбеш-
ка, крабы, морскіе коньки и т. п.

Начало ученичества было для него пріятнымъ. До тѣхъ
поръ онъ одѣвался въ старое платье отца; но синья Тона по-
желала, чтобы вступленіе въ новую профессію сопровожда-
лось нѣкоторой торжественностью; разъ вечеромъ, она за-
перла трактиръ и вмѣстѣ съ сыномъ отправилась въ Грао,
на приморскій рынокъ, гдѣ продавалась готовая одежда для
моряковъ. Паскуало долго помнилъ этотъ рынокъ, показав-
шійся ему храмомъ роскоши. У него разбѣгались глаза сре-
ди синихъ куртокъ, желтыхъ клеенчатыхъ плащей, громад-
ныхъ морскихъ сапогъ, — предметовъ, употребляемыхъ лишь
хозяевами лодокъ; онъ ушелъ оттуда полный гордости, неся
съ собою свое скромное приданое: двѣ рубашки майоркскаго
полотна, жесткія и колючія, точно изъ упаковочной бумаги;

³ «Ловля быками» въ Средиземномъ морѣ производится при помощи двухъ
соединенныхъ лодокъ, тянущихъ за собою одну длинную сѣть.

черный шерстяной пояс; полный костюмъ изъ грубаго сукна, желтый до ужаса; красную шапочку, которую приходится надвигать на уши въ дурную погоду, и черную шелковую фуражку для прогулокъ по берегу. Наконецъ-то у него явилось платье по росту и пришелъ конецъ его борьбѣ съ отцовскими куртками, которыя вздувались вѣтромъ на его спинѣ, точно паруса, и заставляли его бѣжать скорѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ. Что же касается башмаковъ, то о нихъ не стоило и говорить: никогда въ жизни юнга изъ Кабаньяля не пряталъ своихъ рѣзвыхъ ногъ въ эти орудія пытки!

Ребенокъ не ошибся, говоря, что рожденъ для жизни на морѣ. Лодка дяди Борраска понравилась ему гораздо больше, нежели материнская, рядомъ съ которою хрюкала свинья и кудахтали куры. Работалъ онъ усердно и, сверхъ харчей, щедро бывалъ вознаграждаемъ тычками отъ руки стараго хозяина, который на сушѣ бывалъ съ нимъ ласковъ, но на лодкѣ не спустилъ бы даже и отцу его. Мальчикъ съ кошачьей ловкостью влѣзалъ на мачту и прикрѣплялъ фонарь или поправлялъ снасти; онъ помогалъ тащить сѣти, когда начинали ихъ вытягивать; мылъ палубу, убиралъ въ трюмъ большія корзины съ рыбою, раздувалъ жаровню и наблюдалъ, какъ бы не пережарился обѣдъ, чтобы не дать повода къ ропоту рыбакамъ.

Но за весь этотъ трудъ сколько радостей выпадало на его долю! Тотчасъ по окончаніи обѣда хозяина съ рыбаками, за которымъ Паскуало и другой юнга присутствовали почти-

тельно и неподвижно, объѣдки предоставлялись юнга́мъ, которые усаживались вдвоемъ на кормѣ съ чернымъ котломъ между колѣнъ и съ хлѣбомъ подъ мышкой. Сначала поѣдалось лучшее; потомъ, когда ложки начинали скрести дно котла, происходило вытираніе его корками, такъ, что, въ концѣ-концовъ, чугу́нъ оказывался чистымъ и гладкимъ, точно его вымыли. Затѣмъ, шли поиски вина, недопитаго экипаже́мъ изъ жестяного жбана; наконецъ, если не оказывалось работы, «кошки» по-царски растягивались на палубѣ, выпроставъ рубахи изъ штановъ, животы наружу, и лежали, убаюкиваемые качкой и продуваемые вѣтеркомъ. Въ табакѣ недостатка не было, и дядя Борраска призывалъ всѣхъ чертей, видя, съ какою непостижимою быстротою исчезаетъ изъ кармановъ его куртки то листовой алжирскій, то крошеный гаванскій табакъ, смотря по сорту послѣдняго груза, контрабандою привезеннаго въ Кабаньяль. Эта жизнь была раемъ для Паскуало; и каждый разъ, какъ онъ сходилъ на берегъ, мать его замѣчала, что онъ все болѣе крѣпнеть, все болѣе загораетъ отъ солнца, но по старому остается добродушнымъ, несмотря на постоянное товарищество съ лодочными «кошками», скороспѣлыми негодьями, способными на сквернѣйшія выходки и имѣвшими обыкновеніе при разговорѣ пускать собесѣднику въ носъ дымъ изъ трубокъ почти такого же роста, какъ они сами.

Трактирщицѣ не всегда бывало весело; цѣлые дни проводила она въ старой лодкѣ совершенно одна, какъ будто у нея

вовсе не было дѣтей. Ректоръ былъ на морѣ, добывая свою долю «рыбьяго брака», чтобы въ праздничный день съ гордостью вручить материтри – четыре песеты⁴, составлявшія его недѣльный заработокъ. Что же касалось младшаго, этого бѣса во плоти, онъ сталъ неисправимымъ бродягою и возвращался домой лишь тогда, когда его донималъ голодъ.

Антоніо связался со скверными береговыми мальчишками, шайкою шалопаевъ, которые точно такъ же не знали своихъ отцовъ и матерей, какъ и бродячія собаки, бѣгавшія съ ними по песку. Плавать онъ умѣлъ не хуже рыбы; лѣтомъ онъ нырялъ въ гавани, со спокойной беззащитностью обнажая свое худое и смуглое тѣло ради мелкихъ мѣдныхъ монетъ, которыя гуляющіе бросали въ воду, а онъ вылавливалъ ртомъ. Ночью онъ возвращался въ трактирчикъ въ разорванныхъ штанахъ и съ расцарапаннымъ лицомъ. Сколько разъ мать заставляла его еѣ наслажденіемъ пьющимъ водку изъ боченка; а разъ вечеромъ ей пришлось надѣть плащъ и пойти въ портовую полицію, чтобы слезно молить объ освобожденіи сына, обѣщая, что она исправитъ его отъ скверной привычки таскать сахаръ изъ ящиковъ, стоящихъ иа пристани.

Какимъ бездѣльникомъ вышелъ этотъ Антоніо. Боже! въ кого это онъ удался?! Честнымъ родителямъ стыдно было имѣть сыномъ такого сорванца, мошенника, который, имѣя дома чѣмъ наѣсться, бродилъ цѣлыми днями вокругъ кораблей изъ Шотландіи и, едва только отвернутся грузчики, уже

⁴ Монета, равная франку.

бѣжалъ прочь съ трескою подь мышкою. Такой ребенокъ могъ привести въ отчаяніе свою семью. Въ двѣнадцать лѣтъ — ни малѣйшей склонности къ труду, ни малѣйшаго почтенія къ матери, не взирая на палки отъ метель, которыя она ломала на его спинѣ.

Синья Тона изливала свои печали передь Мартинесомъ, молодымъ таможеннымъ стражникомъ, который дежурилъ на этомъ мѣстѣ взморья и проводилъ часы зноя подь навѣсомъ кабачка, держа ружье между колѣнъ, неопредѣленно глядя въ пространство и выслушивая безконечныя жалобы трактирщицы.

Этотъ Мартинесъ былъ андалузецъ родомъ изъ Хуэльвы, красивый статный парень, молодецки носившій свой старый солдатскій мундиръ и изящно крутившій свои бѣлокурые усы. Синья Тона восхищалась имъ: «Когда человекъ получилъ воспитаніе, то напрасно будетъ это скрывать: оно видно за цѣлую версту». И какое изящество въ рѣчи! Какія деликатныя выраженія! Сразу можно было узнать ученаго! Да, вѣдь, онъ и пробылъ нѣсколько лѣтъ въ семинаріи своей провинціи! А если теперь очутился на такой службѣ, то единственно потому, что, раздумавъ идти въ священники и захотѣвъ повидать свѣтъ, онъ поссорился со своими, поступилъ въ солдаты, а потомъ перешелъ въ таможню.

Трактирщица слушала его, выпучивъ глаза, когда онъ рассказывалъ свою исторію съ грубымъ пришепетываніемъ андалузскаго простолюдина, и, платя ему тою же монетою, от-

вѣчала на кастильскомъ нарѣчїи, столь каррикатурномъ и мало вразумительномъ, что надъ нимъ посмѣялись бы даже и жители Кабаньяля.

— Видите ли, г. Мартинесь, мой мальчишка сводить меня съ ума своими глупостями. Я твержу ему: «Чего тебѣ не хватаетъ, разбойникъ? Что ты липнешь къ этимъ паршивцамъ?» Ахъ, г. Мартинесь, вы такъ хорошо умѣете говорить, такъ хоть бы вы его поугали. Скажите, что его уведутъ въ Валенсію и тамъ посадятъ въ острогъ, если онъ не исправится.

Синьоръ Мартинесь давалъ обѣщаніе поугать повѣсу, отчитывалъ его со строгимъ видомъ и добивался того, что хоть на нѣсколько часовъ Антоніо оставался пораженнымъ, испытывая почти ужасъ передъ этимъ военнымъ и передъ страшнымъ ружьемъ, съ которымъ тотъ никогда не расставался.

Такія маленькія услуги постепенно превращали Мартинеса въ члена семьи, создавая все большую близость между нимъ и синьею Тоною. Обѣдъ ему готовили въ трактирчикѣ; здѣсь же онъ просиживалъ цѣлыми днями, и любезная хозяйка многократно, не безъ удовольствія, чинила ему бѣлье и пришивала пуговицы къ нижнему платью. «Бѣдный синьоръ Мартинесь! какъ обойтись такому благовоспитанному молодому человѣку безъ ея помощи? Онъ ходилъ бы въ лохмотьяхъ, заброшенный, точно бѣднякъ; а на это, говоря откровенно, женщина съ сердцемъ никогда не можетъ согласиться».

Лѣтомъ, въ послѣполоуденные часы, когда солнце палило пустынное взморье и клало на раскаленный песокъ отблески пожара, неизмѣнно повторялась нижеслѣдующая сцена:

Мартинесь, на тростниковомъ табуретѣ у прилавка, читаль своего любимаго писателя, Переса Эскрича, толстые, засѣленные и помятые томы котораго передавались таможенными солдатами другъ другу и такимъ образомъ обошли весь берегъ. Эти толстые томы, внушавшіе синѣ Тонѣ суевѣрное почтеніе безграмотнаго къ книгѣ, были тѣмъ источникомъ, откуда Мартинесь почерпаль свой звучный и напыщенный слогъ и свою философію, которыми поражаль вдову.

По другую сторону прилавка, втыкая какъ попало свою иголку и сама хорошенько не зная, что шьетъ, кабатчица подолгу любовалась стражникомъ, по цѣлымъ получасамъ забываясь въ созерцаніи его тонкихъ бѣлокурыхъ усовъ, въ разглядываніи, каковъ у него носъ и съ какимъ тонкимъ вкусомъ раздѣлены проборомъ и приглажены на вискахъ его золотые волосы.

Порою, перевертывая страницу, Мартинесь поднималь голову, встрѣчалъ устремленные на него большіе черные глаза Тоны, краснѣль и опять принимался за чтеніе.

Трактирщица упрекала себя за эти долгія созерцанія. Что могли они значить? Разумѣется, когда живъ былъ ея Паскуало, ей случалось глядѣть на него внимательно, чтобы рассмотреть его лицо. Но теперь какая ей надобность тарашить

глаза на Мартинеса цѣлыми часами, словно дура, не отрываясь отъ этого неприличнаго глазѣнія? Что скажутъ люди, когда узнають?.. Очевидно, что-то привязываетъ ее къ этому человѣку. А почему же бы и нѣтъ? Онъ такъ красивъ, такъ воспитанъ! Такъ хорошо говорить!.. Однако, все же это – одни пустяки. Ей уже подѣ сорокъ; точно лѣтъ своихъ она не помнитъ, но, пожалуй, идетъ тридцать седьмой; а Мартинесу не болѣе двадцати шести... А впрочемъ, чертъ возьми! Несмотря на свои лѣта, она еще недурна; она думаетъ, что хорошо сохранилась, да и разбойники-матросы, такъ надоѣвшіе ей своими приставаніями, оказываются того же мнѣнія. И мысли эти, пожалуй, не такъ уже нелѣпы: добрые люди успѣли придумать кое-что въ такомъ родѣ, и товарищи Мартинеса, равно какъ и береговья рыбныя торговки, выражали свои коварныя предположенія черезъ-чуръ удобопонятными намеками.

Наконецъ, случилось то, чего всѣ ждали. Синья Тона, чтобы заглушить свои сомнѣнія, приводила себѣ въ видѣ довода, что ея дѣтямъ необходимъ отецъ и что ей не найти лучшаго, чѣмъ Мартинесь. И стойкая женщина, кормившая рыбаковъ пощечинами при малѣйшей попыткѣ, сдалась добровольно, или, вѣрнѣе, ей пришлось побороть трусость этого робкаго парня. Она взяла на себя инициативу, а Мартинесь уступилъ съ покорностью человѣка высшаго порядка, который, сосредоточиваясь мыслями въ высшихъ сферахъ, позволяетъ въ земныхъ дѣлахъ вертѣть собой, какъ автоматомъ.

Событіе пріобрѣло публичность; и сама синья Тона не до-
садовала на это: напротивъ, пусть всѣ знаютъ, что въ ея домѣ
есть хозяинъ; оно даже было ей пріятно. Отлучаясь въ Каба-
ньяль по дѣламъ, она оставляла трактиръ на Мартинеса, ко-
торый, какъ и прежде, усаживался подъ навѣсомъ и, съ ру-
жьемъ между колѣнъ, смотрѣлъ на море.

Сами дѣти казались увѣдомленными о новомъ порядкѣ
вещей. Когда Ректоръ бывалъ на берегу, онъ искоса глядѣлъ
на мать съ тревожнымъ удивленіемъ, а передъ бѣлокуримъ
стражникомъ, котораго всегда заставлялъ въ кабачкѣ, конфу-
зился и робѣлъ. Антоній же лукавою улыбкою давалъ по-
нять, что происшествіе служило темой для насмѣшливыхъ
комментаріевъ на сборищахъ береговыхъ озорниковъ; вмѣ-
сто того, чтобы попрежнему пугаться нравоученій стражни-
ка, онъ отвѣчалъ ему гримасами и убѣгалъ въ припрыжку,
всячески кривляясь для выраженія своего презрѣнія.

Въ это время, Тона пережила медовый мѣсяцъ въ пору
своей полной жизненной зрѣлости. Теперь супружество ея
съ Паскуало вспоминалось ей, какъ однообразное рабство.
Она любила стражника съ восторгомъ, съ тою кипучею стра-
стью, какую испытываютъ женщины уже на склонѣ лѣтъ.
Ослѣпленная своею любовью, она выставляла ее на показъ,
не огорчаясь ропотомъ сосѣдей. «Въ чемъ дѣло? Пусть гово-
рятъ, что хотятъ. Другія дѣлаютъ еще хуже; а если болтаютъ,
то только изъ зависти, потому что ей посчастливилось запо-
лучить красиваго молодца».

Мартинесь, не покидая своего мечтательнаго вида, даваль себя ласкать и баловать, какъ челоѡѡкъ, которому воздается должное. Онъ пользовался большимъ почетомъ среди своихъ товарищей и начальства: въ его распоряженіи была касса кабачка и даже тотъ чулокъ съ монетами, который часто наминаль ему бока, когда онъ растягивался на кровати въ каютѡ.

Можеть быть, чтобы избавиться отъ этой непріятности, онъ поспѡшилъ опустошить его, въ чемъ, впрочемъ, не встрѡтилъ ни малѡйшаго нротиворѡчія со стороны синьи Тоны. Развѡ ему не предстояло стать ея мужемъ? Только-бы хорошо шла торговля, она не имѡла права жаловаться!

Но по прошествіи четырехъ или пяти мѡсяцевъ на нее начало нападать раздумье. Становилось необходимымъ оформить положеніе, а продолжать по-прежнему оказывалось невозможнымъ. Когда честная женщина, мать двоихъ дѡтей, имѡеть въ виду произвести на свѡтъ третьяго, нужно, чтобы налицо былъ мужчина, который могъ бы заявить: «это мое дѡло!»

Она сообщила объ этомъ Мартинесу, и Мартинесь отвѡтилъ: «очень хорошо!» на всѡ ея рѡчи. Тѡмъ не менѡе, онъ поморщился и приняль плачевный видъ, точно его грубо столкнули съ тѡхъ идеальныхъ высотъ, гдѡ онъ любиль искать убѡжища отъ жизненной прозы. Онъ прибавиль, что, вѡроятно, придется долго ждать бумагъ, необходимыхъ для вѡнчанія такъ какъ Хуэльва далеко.

Тона стала жить надеждой, сосредоточивши все мысли на этой далекой Хуэльвѣ, которая, по ея представлѣніямъ, должна была находиться гдѣ-нибудь по близости Кубы или Филиппинскихъ островъ.

Однако, недѣля шла за недѣлею и необходимость вѣнчанія становилась все очевиднѣе. «Мартинесь, синьоръ Мартинесь, осталось всего два мѣсяца. Уже невозможно скрыть, чего мы ждемъ, и люди начинаютъ примѣчать. Что скажутъ мальчишки, когда застанутъ въ домѣ новаго брата?»

Мартинесь возражалъ: «Это не моя вина. Ты видишь, сколько писемъ я пишу, чтобы ускорить высылку бумагъ...»

Въ одинъ прекрасный день стражникъ объявилъ, что самъ ѣдетъ въ Хуэльву за проклятыми документами и уже получилъ отпускъ отъ своего начальства.

Превосходно! Такое рѣшеніе было весьма пріятно синьѣ Тонѣ. Чтобы облегчить ему путешествіе, она отдала все деньги, какія были въ выручкѣ, затѣмъ въ послѣдній разъ погладила его по головѣ и пролила нѣсколько слезъ, говоря:

– До свиданія, добрый путь!..

Бѣдной Тонѣ никогда уже не суждено было свидѣться съ синьоромъ Мартинесомъ. Среди стражниковъ, обслуживавшихъ берегъ, нашлась добрая душа, доставившая себѣ удовольствіе открыть ей истину. Никогда не было рѣчи о поѣздкѣ въ Хуэльву. Письма Мартинесь отправлялъ въ Мадридъ: въ нихъ заключались просьбы о переводѣ на другой постъ, подальше отъ Валенсіи, климатъ которой ему якобы вре-

день. И въ самомъ дѣлѣ, его перевели въ Коронью.

Синья Тона подумала, что сойдетъ съ ума. Воръ, и хуже вора! Смотрите, какой недотрога! Вотъ вѣрь послѣ этого людямъ, которые такъ хорошо говорятъ. Такъ отплатить ей, которая рада была отдать ему послѣдній грошъ и ублажала его подъ навѣсомъ въ часы сіесты ни дать, ни взять, какъ родная мать.

Но все отчаяніе бѣдной женщины не помѣшало появленію на свѣтъ того, что было причиною необходимости брака; и нѣсколько мѣсяцевъ спустя синья Тона подавала стаканы, прижимая къ свой пышной груди блѣдную, слабенькую, голубоглазую дѣвочку, съ объемистой бѣлокурой головкой, походившей на золотой шаръ.

II

Прошли года безъ малѣйшей перемѣны въ однообразномъ существованіи семейста, которое жило въ лодкѣ, превращенной въ харчевню.

Ректоръ былъ настоящій морякъ, коренастый, флегматичный, безстрашный передъ опасностью. Изъ «кошки» онъ превратился въ матроса; на него дядя Борраска надѣялся больше, чѣмъ на весь остальной экипажъ; и ежемѣсячно онъ отдавалъ матери четыре или пять сбереженныхъ дуго, которые она клала для него на храненіе подъ матрацъ.

Антоніо не имѣлъ ремесла. Между матерью и имъ шла борьба. Тона находила ему мѣста, а онъ ихъ бросалъ черезъ нѣсколько дней. Съ недѣлю онъ прожилъ въ ученикахъ у башмачника; побольше двухъ мѣсяцевъ проплавалъ съ дядей Борраска въ качествѣ юнги, но хозяину надоѣло кричать на него, не будучи въ силахъ добиться повиновенія. Потому онъ попробовалъ сдѣлаться бочаромъ: это ремесло считалось наилучшимъ; но хозяинъ выставилъ его вонъ очень скоро. Наконецъ, въ семнадцать лѣтъ, онъ поступилъ въ артель разгрузчиковъ и работалъ не чаще двухъ разъ въ недѣлю, да и то съ большой неохотой.

Тѣмъ не менѣе, его праздношатайство и порочныя привычки почти прощались синьей Тоною, когда она любовалась имъ по праздникамъ — а для этого бродяги почти каж-

дый день бывалъ праздникъ, – въ шелковой фуражкѣ съ пышнымъ дномъ надъ темно-бронзовымъ лицомъ съ пробивавшимися усиками, въ синей холщевой курткѣ, прилегавшей къ стройному тѣлу, въ черномъ шелковомъ поясѣ, замотанномъ вокругъ фланелевой рубашки въ черныхъ и зеленыхъ клѣткахъ. Какъ бы тамъ ни было, она гордилась тѣмъ, что была матерью этого красиваго мальчишки, который явно намѣревался стать такимъ же негодяемъ, какъ недоброй памяти Мартинесь; но ея Антоніо обѣщаль быть живѣе, смѣлѣе, предприимчивѣе; это доказывалось тѣмъ, что кабаньяльскія дѣвицы уже соперничали передъ нимъ въ качествахъ влюбленныхъ.

Тона радовалась, узнавая, какъ онѣ цѣнятъ ея сына, и бывала извѣщена обо всѣхъ его похожденияхъ. Какая жалость, что онѣ такъ любятъ эту проклятую водку! Вотъ кого можно назвать настоящимъ мужчиной; онѣ – совсѣмъ не то, что его сонный братецъ, котораго не расшевелишь, хоть проѣзжай по немъ въ телѣгѣ.

Въ одинъ воскресный вечеръ, въ кабацкѣ «Добрыхъ Нравовъ», – ужасно ироническое названіе! – Антоніо поссорился съ артелью разгрузчиковъ, работавшихъ дешевле: полетѣли стаканы и, когда для водворенія мира явилась полиція, то захватила его съ ножемъ въ рукѣ, среди преслѣдованія враговъ между столами. Болѣе недѣли его продержали въ кутузкѣ при общинномъ домѣ. Слезы синьи Тоны и хлопоты дяди Марьяно, который былъ вліятельнымъ выборщикомъ, выз-

волили его на этотъ разъ; но исправился онъ такъ мало, что въ самый вечеръ своего освобожденія вновь замахнулся тѣмъ же ножемъ на двухъ англійскихъ моряковъ, которые, напившись вмѣстѣ съ нимъ, захотѣли его вздуть.

Онъ былъ у всѣхъ на виду въ Кабаньялѣ. Неважный работникъ, но крѣпче кого угодно въ тѣ ночи, когда на всѣхъ парусахъ плавалось изъ кабака въ кабакъ вплоть до утра.

Мать не видала его иногда по цѣлымъ недѣлямъ. У него была любовная связь, почти серьезная и походившая, по словамъ многихъ, на рановременное обрученіе. Но синья Тона не одобряла этой связи. Разумѣется, она не надѣялась женить Антонио на принцессѣ, но дочка тартанеро, дяди Паэля, казалась ей уже слишкомъ ничтожною. Эта Долоресъ была безстыдна, какъ обезьяна, очень красива, – этого нельзя было отрицать, – но способна съѣсть живьемъ ту несчастную свекровь, которой достанется въ невѣстки.

Да и какъ можно было ждать иного? Эта дѣвченка выросла безъ матери, не разлучаясь съ дядей Паэльей, пьяницею, который бывалъ навеселѣ съ восхода солнца, когда садился на свою тартану⁵, и впалъ въ чахотку отъ пьянства, полезнаго единственно его носу, который краснѣлъ и толстѣлъ все болѣе и болѣе.

⁵ Тартанюо называется двухколесная телѣга, съ верхомъ въ видѣ свода; на двухъ боковыхъ лавочкахъ могутъ усѣсться по 4–5 человекъ на каждой; влѣзаютъ они сзади. Кучеръ сидитъ на дощечкѣ, прикрѣпленной снаружи къ правой оглоблѣ. Существуетъ много общественныхъ тартанъ, замѣняющихъ нашихъ извозчиковъ и омнибусы. Тартанеро – кучеръ тартаны.

Человѣкъ онъ былъ безчестный и пользовался сквернѣйшей репутаціей. Заработокъ онъ находилъ лишь въ Валенсіи, въ рыбацкомъ кварталѣ. Когда приставалъ англійскій пароходъ, онъ безъ стыда предлагалъ матросамъ свезти ихъ въ публичные дома, а въ лѣтнія ночи бралъ къ себѣ на тартану цѣлый грузъ дѣвокъ въ свѣтлыхъ свободныхъ платьяхъ, съ наштукатуренными щеками и съ цвѣтами въ волосахъ, и развозилъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ пріятелями по береговымъ харчевнямъ, гдѣ кутили до утра, тогда какъ самъ онъ, сидя въ сторонкѣ и ни на минуту не разставаясь со своимъ кнутомъ и съ виннымъ кувшиномъ, напивался, отечески созерцая тѣхъ, кого называлъ «своими овечками».

Хуже всего было то, что онъ не стѣснялся и передъ собственною дочерью. Онъ говорилъ съ нею въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и со своими кліентками. Во хмѣлю онъ бывалъ болтливъ, неудержимо высказывалъ все вслухъ; и напуганная малютка Долоресъ, убѣгая отъ толчковъ его ногъ, широко раскрывала глаза съ выраженіемъ нездороваго любопытства, прислушиваясь къ непристойнымъ рѣчамъ стараго Пээли, который самъ себѣ рассказывалъ обо всѣхъ гадостяхъ, видѣнныхъ имъ въ теченіе ночи.

Таково было воспитаніе Долоресъ. Какъ же хотѣтъ, чтобы она чего-либо не знала? Главнымъ образомъ, по этой причинѣ Тона отказывалась принять ее въ свою семью. Если дѣвушка не погибла еще совершенно теперь, когда начала превращаться въ хорошенькую женщину, то единствен-

но благодаря добрымъ совѣтамъ двухъ-трехъ сосѣдокъ. Тѣмъ не менѣе, отношенія ея къ Антонію уже породили множество сплетенъ. Послѣдній приходилъ въ домъ своей возлюбленной, точно хозяинъ, и почти всегда обѣдалъ съ нею, пользуясь тѣмъ, что тартанеро возвращался поздною ночью. Молодая дѣвушка чинила ему бѣлье, а порою даже шарила въ карманахъ отца и брала оттуда мелочь, которую дарила своему поклоннику; это давало пьяницѣ поводъ произносить пространныя ругательства по адресу лицемѣрныхъ друзей: онъ предполагалъ, что въ тѣ минуты, когда винные пары застилаютъ ему зрѣніе, собутыльники таскаютъ у него песеты.

Итакъ, синья Тона жила совсѣмъ одиноко. Ректоръ постоянно бывалъ на морѣ, охотясь за песетами, какъ онъ говорилъ, то ловя рыбу, то нанимаясь матросомъ на одну изъ габарь⁶, ходящихъ за солью въ Торревьеху; Антонію бѣгаль по харчевнямъ или просиживалъ у дяди Паэлы, у котораго только что не поселился. Такъ она близилась къ старости за прилавкомъ своего кабачка, имѣя около себя лишь одну свою дочь, къ которой питала странную, какую-то непостоянную любовь: эта дѣвочка была живымъ портретомъ Мартинеса... «Даль бы Богъ, чтобы чортъ побралъ этого мошенника!»

Рѣшительно оказывалось, что Богъ печется о честныхъ людяхъ далеко не всегда. Дѣла шли значительно хуже, чѣмъ въ первое время ея вдовства. Другія старыя лодки, выбро-

⁶ Габара – грузовое судно.

шенныя на песокъ, были обращены въ харчевни, и теперь рыбакамъ предоставлялся выборъ. Кромѣ того, она дурнѣла, и морякамъ уже не такъ хотѣлось пить, ухаживая за нею.

Результатъ: хотя трактирчикъ удержалъ за собою своихъ старыхъ завсегдатаевъ, онъ приносилъ не болѣе того, что было необходимо для жизни. Нерѣдко, глядя издали на свою бѣлую лачужку, Тона съ печалью убѣждалась, что огонь погасъ, изгородь почти обвалилась, что за плетнемъ нѣтъ свињи, которая бы хрюкала въ ожиданіи ежегодной казни, и что по пустынному взморью грустно бродить не болѣе полудюжины куръ.

Время шло для нея однообразно и медленно; изъ мрачной полудремоты ее выводили только выходки Антоніо или созерцаніе портрета синьора Мартинеса въ мундирѣ, который она оставила на стѣнѣ своей каюты изъ какой-то утонченной жестокости, какъ бы въ напоминаніе себѣ самой о своей минувшей слабости.

Маленькая Росета, эта дѣвочка, попавшая въ лодку по милости и благодаря стараніямъ плутоватаго стражника, не могла похвалиться большимъ вниманіемъ со стороны матери. Она росла на свободѣ, точно дикій звѣрокъ. Днемъ ее можно было видѣть лишь въ тѣ часы, когда голодь приводилъ ее домой; а съ наступленіемъ ночи Тонѣ часто приходилось отправляться ее разыскивать и потомъ, хорошенько выпоровши, запираетъ въ лодкѣ. «Должно покоряться волѣ Божьей; но въ этой сопливкѣ посланъ новый крестъ ея бѣдной

матери!» Росета была дика и любила одиночество; она валялась на мокромъ пескѣ, а то собирала раковины и улитокъ или сгребала водоросли въ кучи. Порою она цѣлыми часами не двигалась, устремивши въ пространство пристальный и расплывчатый взглядъ, какой бываетъ у находящихся въ гипнозѣ, между тѣмъ, какъ соленый морской вѣтеръ трепаль ея бѣлокурую гриву и раздуваль старую юбку, обнажая худенькія ножки ослѣпительной бѣлизны, лишь на ступняхъ темно-красныя отъ солнечнаго зноя. Она лежала такъ часъ за часомъ, утопая животомъ во влажномъ пескѣ, который уступаль ея вѣсу, между тѣмъ какъ лицо ей лизаль тонкій слой воды, то приближавшійся, то отступавшій по блестящему взморью.

Въ ней была неисправима страсть къ бродяжничеству, и Тона справедливо отзывалась о ней такъ: «Яблоко отъ яблоньки недалеко падаетъ». Ея мошенникъ-отецъ тоже просиживаль цѣлыми часами, по-дурацки таращась на горизонтъ и видя сны съ открытыми глазами; ни на что другое онъ не годился. Если бы матери понадобилось жить трудами дочери, то ей скоро пришлось бы протянуть ноги. Бездѣльница, праздношатайка! Въ кабачкѣ она била стаканы и тарелки, какъ скоро принималась ихъ мыть; рыба сгорала на сковородкѣ, когда дѣвочку оставляли смотрѣть за жаровней. Словомъ, съ ней ничего не оставалось дѣлать, какъ предоставлять ей бѣгать по берегу или посылать ее въ Кабаньяльскую школу. Временами на дѣвочку нападало безумное желаніе учить-

ся и, рискуя быть побитой, она вырывалась изъ дому, чтобы бѣжать къ учительницѣ; но нѣсколько дней спустя, какъ скоро мать оказывалась расположенной разрѣшить ей это, она убѣгала изъ школы.

Только лѣтомъ бѣдная Тона видѣла отъ нея кое-какую помощь. Тогда желаніе заработать соединялось съ любовью къ бродяжничеству и, захвативъ кувшинъ такого же роста, какъ она сама, Росета ходила со стаканомъ въ рукѣ по взморью купальщиковъ, смѣло пробиралась между роскошными экипажами, ѣхавшими на моль, смотрѣла во всѣ стороны своими мечтательными глазами, потряхивала бѣлокурою гривой и кричала пронзительнымъ голосомъ: «Воды, воды холодной!» Въ другіе дни она такъ ходила съ корзиною пирожковъ: «Соленые и сладкіе!» При помощи этой маленькой торговли, Росетѣ удавалось по вечерамъ вручать матери по два и по три реала, что нѣсколько проясняло хмурую фізіономію Тоны, которая отъ дурного положенія дѣлъ стала эгоистичной.

Такъ выросла Росета въ суровомъ уединеніи, съ пугающимъ равнодушіемъ принимая колотушки матери, ненавидя Антонію, который никогда не дарилъ ее вниманіемъ, улыбаясь по временамъ Ректору, который, когда попадалъ на берегъ, имѣлъ обыкновеніе дружески дергать ее за спутанные космы, и презирая береговыхъ озорниковъ, отъ которыхъ она сторонилась съ гордымъ видомъ маленькой царицы.

Въ концѣ концовъ, Тона совсѣмъ перестала заниматься дѣвочкой, хотя та одна просиживапа съ нею зимніе вечера въ ея пустомъ жилищѣ. Напротивъ того, Антонію и дочка тартанеро были ея постоянною заботою. Эта мерзавка, видно, задумала отнять у нея всю ея семью; она уже не довольствовалась Аніонію, а приманила къ себѣ и Ректора. Послѣдній, по выходѣ на берегъ, пролеталь по материнскому кабачку, точно облачко, послѣ чего, уведенный братомъ, отправлялся отдыхать къ тартанеро, гдѣ его присутствіе ничуть не стѣсняло влюбленныхъ.

Въ сущности, Тону раздражало не столько вліяніе, какое Долоресь прибрѣла на ея сыновей, сколько крушеніе одного проекта, съ которымъ она носилась уже давно. Она мечтала женить Антонію на Росаріи, дочери своей старинной пріятельницы. По красотѣ эту дѣвушку нельзя было сравнивать съ дочерью тартанеро, но синья Тона была неистощима въ похвалахъ ея добротѣ, – свойству существъ незначительныхъ. Одного она вслухъ не говорила, хотя въ этомъ заключалось главное: именно, что Росарія, дочь ея выбора, была сирота; родители же ея держали въ Кабаньялѣ лавочку, гдѣ Тона дѣлала закупки, и теперъ, послѣ ихъ смерти, ихъ единственной наслѣдницѣ досталось почти богатство, – не менѣе трехъ или четырехъ тысячъ дуру.

А какъ бѣдная малютка любила Антонію! При встрѣчахъ съ нимъ на улицахъ Кабаньяля она всегда кланялась ему съ видомъ покорной овечки и просиживала подолгу на взморѣ,

представляя себѣ удовольствіе бесѣдовать съ синьєю Тоною только потому, что та приходилась матерью смѣлому парню, будоражившему весь берегъ.

Но отъ этого мальчишки нечего было ждать добра. Сама Долоресь, при всемъ вліяніи, какое на него имѣла, не въ состояніи была удержать его, когда на него нападала дурь. Тогда онъ пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ, а впослѣдствіи доходили слухи, что онъ пробылъ все время въ Валенсіи и тамъ днемъ спалъ гдѣ-нибудь въ скверномъ вертепѣ на Рыбацкой улицѣ, а ночью напивался, колотилъ робкихъ участницъ своихъ кутежей и, точно изголодавшійся пиратъ, растрчивалъ на оргіи то, что выигралъ въ какомъ-нибудь подозрительно-мъ притонѣ.

Во время одной изъ этихъ отлучекъ онъ совершилъ проступокъ, стоившій матери мѣсяца слезъ и безконечныхъ сѣтованій; вмѣстѣ съ нѣсколькими пріятелями онъ поступилъ въ военный флотъ. Этимъ повѣсамъ надоѣло жить въ Кабаньялѣ, и вино мѣстныхъ кабаковъ стало казаться прѣснымъ.

Итакъ, насталь день, когда этотъ чертовскій парень, весь въ синемъ, въ бѣлой шапочкѣ набекрень и съ мѣшкомъ за спиною, разстался съ матерью и съ Долоресь, чтобы отправиться въ гавань Картагену, гдѣ стоялъ корабль, на который онъ былъ назначень.

«Съ Богомъ!» Синья Тона очень любила его, но по крайней мѣрѣ теперь могла быть спокойной. Всего грустнѣе ей

было смотрѣть на бѣдную Росарію, которая, всегда молчаливая и кроткая, приходила на взморье шить вмѣстѣ съ Росетой и съ робкимъ волненіемъ спрашивала у синьи Тоны, не получила ли та письма отъ моряка.

Всѣ три женщины мысленно слѣдили за своимъ Антонію, этимъ несравненнымъ матросомъ, на всѣхъ путяхъ и рейсахъ «Города Мадрида», фрегата, на которомъ онъ отплылъ. Какъ онѣ волновались, когда на влажныя доски прилавка падалъ узенькій конвертъ, запечатанный то красной облаткой, то хлѣбнымъ мякишемъ и украшенный слѣдующимъ сложнымъ адресомъ, выведеннымъ крупными буквами: «Госпожѣ Тонѣ, въ трактирѣ, рядомъ съ Бычьимъ Дворомъ». Отъ этихъ грубыхъ конвертовъ, казалось, шель какой-то особый заморскій запахъ, говорившій о тропической растительности, о бурныхъ моряхъ, о берегахъ, повитыхъ розоватымъ туманомъ и о сверкающихъ небесахъ; читая и перечитывая четыре страницы, женщины мечтали о невѣдомыхъ странахъ, воображая себѣ негровъ въ Гаваннѣ, китайцевъ на Филиппинскихъ островахъ и новые города южной Америки.

«Что за парень! Сколько у него будетъ поразсказать, когда онъ вернется! Можетъ быть, оно вышло и къ лучшему, что онъ вздумалъ уѣхать: пожалуй, мозги у него станутъ на мѣсто». И синья Тона, вновь охваченная тою слабостью, благодаря которой безмѣрно любила своего младшаго сына, помышляла съ нѣкоторымъ негодованіемъ, что ея бравый молодчикъ Антонію терпитъ гнеть суровой корабельной дисципли-

плины, тогда какъ старшій, Ректоръ, котораго она считала недоумкомъ, плыветь на всѣхъ парусахъ и сталь чуть не важной особой въ кругу рыбаковъ.

Ректоръ безпрестанно совѣщался съ хозяиномъ своей лодки и велъ какіе-то тайные переговоры съ дядею Марьяно, тѣмъ самымъ, къ которому Тона прибѣгала во всѣхъ затрудненіяхъ. Безъ сомнѣнія, онъ добывалъ не мало денегъ; и синья Тона призывала всѣхъ чертей, видя, что онъ не приносить домой ни гроша и лишь изъ вѣжливости проживаетъ по нѣскольку минутъ подъ навѣсомъ кабачка. «Значить, его сбереженія у кого-нибудь хранятся? А у кого бы это могло быть? Ужъ вѣрно, что у Долоресъ, у той вѣдьмы, которая непремѣнно подсыпала обоимъ парнямъ приворотнаго зелья, потому что они бѣгають за ней, какъ собака за хозяиномъ!»...

Простофиля Ректоръ расположился въ домѣ тартанеро, точно тамъ хранилось его собственное добро!.. Точно онъ не зналъ, что Долоресъ обѣщана другому! Не видѣлъ онъ что-ли писемъ отъ Антоніо и отвѣтовъ, которые отъ ея имени писалъ сосѣдъ?.. Но этотъ тройной дурень, не обращая вниманіе на материнскія насмѣшки, живмя жилъ въ лачугѣ Паэлы, гдѣ мало-по-малу занялъ мѣсто брата; причемъ онъ дѣлалъ видъ, какъ будто совсѣмъ не понимаетъ положенія вещей. Теперь Долоресъ оказывала ему тѣ же услуги, какія прежде выпадали на долю Антоніо: чинила ему бѣлье и, дѣйствительно, хранила его деньги, чего, впрочемъ, ей никогда

не приходилось дѣлать для его расточительнаго брата.

Въ одинъ прекрасный день дядя Паэлья скончался: его привезли домой, раздавленнаго колесами его тартаны. Въ пьяномъ видѣ онъ упалъ съ козель и умеръ, вѣрный своимъ принципамъ: сжимая въ рукѣ кнутъ, съ которымъ не разставался даже во снѣ, потѣя водкою изо всѣхъ поръ своего тѣла, онъ испустилъ духъ подъ повозкою, набитою размалеванными дѣвицами, которыхъ называлъ «своими овечками».

У Долоресъ не осталось другой опоры, кромѣ ея тетки Пикоресъ, мало цѣнимой въ качествѣ покровительницы, такъ какъ она дѣлала добро при помощи колотушекъ. Эта тетка была старая рыбная торговка, которую молодья называли «матушкой Пикоресъ»; громадная, пузатая, усатая, точно кить, она втеченіе сорока лѣтъ была грозой всѣхъ базарныхъ городскихъ, устрашая ихъ своими маленькими дерзкими глазами, такъ и впивавшимися въ лицо, и грубыми ругательствами, вылетающими изъ беззубаго рта, отъ котораго лучами расходились всѣ морщины ея лица.

...Два года уже плавалъ Антоніо съ эскадрою, когда распространилось интереснѣйшее извѣстіе: Долоресъ выходила замужъ за Ректора. Боже! какой шумъ поднялся въ Кабаньяль! Говорили, что дѣвушка сама сдѣлала первые шаги, и прибавлялись подробности, еще болѣе эффектныя, подававшія поводъ къ смѣху.

Кого стоило послушать, такъ это – Тону: «Эта госпожа съ тартаны вбила себѣ въ голову, что войдетъ въ хорошую се-

мью, и вотъ – ей это удается. Да! А мошенница хорошо знаетъ, что дѣлаетъ: ей именно удобно имѣть мужемъ дурака, который радъ убиваться на работѣ. Разбойница! Какъ она сумѣла забрать въ лапы изо всей семьи какъ разъ того, кто добывается деньги!».

Впрочемъ, нѣкоторое время спустя эгоистическое разсужденіе заставило синью Тону умолкнуть. Взвѣсивши всѣ обстоятельства, она примирилась съ проектируемымъ бракомъ. Такъ выходило проще и удобнѣе для лелѣемыхъ ею плановъ: Антоніо, избавленный отъ безприданницы Долоресъ, можетъ жениться на богатой Росаріи. Поэтому, хотя не безъ воркотни, она удостоила присутствовать на свадьбѣ и назвать «дочь моя» эту красивую змѣю, которая такъ легко смѣнила одного на другого.

Всѣхъ тревожилъ вопросъ о томъ, что скажетъ Антоніо, узнавши новость. У этого матроса былъ такой любящій характеръ!.. Поэтому удивленіе было всеобщимъ, когда узнали, что онъ выразилъ одобреніе всему происшедшему. Должно быть, разлука и путешествіе произвели въ немъ большую перемѣну, такъ какъ ему казалось естественнымъ, что Долоресъ, теперь нуждавшаяся въ покровителѣ, вышла замужъ. Сверхъ того, – онъ такъ и высказался, – если ужъ ей суждено было достаться другому, то лучше пусть это будетъ его братъ, хорошій и честный парень.

Когда же морякъ, съ отставкою въ карманѣ и мѣшкомъ на спинѣ, вернулся въ Кабаньяль, изумляя всѣхъ своимъ моло-

децкимъ видомъ и щедростью, съ которою тратилъ пригоршню песеть, полученную при окончаніи службы, его поведеніе оказалось такимъ же благоразумнымъ, какъ и его письма. Онъ поздоровался съ Долоресъ, какъ съ сестрою. «Чортъ возьми! Нечего поминать о прошломъ. Онъ тоже не монахомъ жилъ на чужой сторонѣ». И затѣмъ онъ пересталъ обращать вниманіе на нее и на Ректора, весь уйдя въ наслажденіе популярностью, которую создало ему его возвращеніе.

Сосѣди по цѣлымъ ночамъ просиживали подъ открытымъ небомъ на низкихъ стульчикахъ и даже на землѣ передъ домомъ, бывшимъ Паэлы, въ которомъ теперь жилъ Ректоръ, и въ восторгѣ слушали рассказы моряка о чужихъ земляхъ, описанія которыхъ онъ перемѣшивалъ съ выдумками, чтобы сильнѣе поразить простофиль, развѣшивавшихъ уши.

По сравненію съ грубыми и отупѣвшими отъ работы рыбаками или съ его прежними товарищами разгрузчиками, кабаньяльскія дѣвицы считали Антоніо аристократомъ за его смуглую блѣдность, кошачьи усы, чистыя и аккуратно содеранные руки, намавленную и тщательно расчесанную голову съ проборомъ посередкѣ и съ двумя завитками, которые, выходя изъ подъ фуражки, остріемъ прилегали къ вискамъ. Синья Тона была довольна сыномъ; она понимала, что онъ остался такимъ же бездѣльникомъ, какимъ и былъ, но онъ научился лучше держать себя, и видно было, что суровая корабельная служба пошла ему впрокъ. Въ сущности, онъ остался прежнимъ, только военная дисциплина сгладила

въ немъ внѣшнія угловатости: угощаясь виномъ, онъ не напивался до безчувствія; продолжая щеголять молодечествомъ, онъ не вызывалъ людей на ссору; и вмѣсто того, чтобы безразсудно осуществлять свои сумасбродныя фантазіи, онъ старался эгоистически доставить себѣ какъ можно больше наслажденій. Поэтому онъ охотно согласился на предложеніе Тоны. «Жениться на Росаріи? Очень хорошо! Она – дѣвушка честная; сверхъ того, у нея есть капиталецъ, который можетъ увеличиться въ рукахъ сообразительнаго мужа. Чего ему больше желать? Человѣкъ, служившій въ королевскомъ флотѣ, не можетъ, не унижая своего достоинства, быть грузчикомъ на взморьѣ. Что угодно, только не это!»

Итакъ, Антоніо женился на Росаріи къ великой радости синьи Тоны. Значить, все вышло къ лучшему. Что за красивая парочка! Она – маленькая, робкая, покорная, – вѣрила ему безусловно; онъ – гордый отъ новой удачи, прямой, точно подъ фланелевой рубашкой у него была кольчуга изъ тѣхъ тысячъ дуру, какія онъ взялъ за женою, – удостоивалъ своимъ покровительствомъ всякаго встрѣчнаго, вель себя, какъ богатый владѣлецъ лодки, проводя въ кофейняхъ вечера и ночи, куря трубку и щеголяя въ громаднхъ непромокаемыхъ сапогахъ, когда шелъ дождь.

Долоресь видѣла все это, не выражая ни малѣйшаго волненія. Только въ ея царственныхъ глазахъ вспыхивали золотыя точки, искорки, выдававшія жаръ тайныхъ желаній.

Новобрачные прожили счастливо годъ. Но деньги, по гро-

шу накопленные въ лавчонкѣ, гдѣ родилась Росаріо, быстро таяли въ рукахъ Антоніо, и настала часъ, когда уже видно стало дно мѣшка, какъ говорила кабатчица, осуждая расточительность сына.

Тогда начались нехватки, а съ нехватками – несогласія, слезы и потасовки. Росаріи довелось взяться за рыбную корзину по примѣру всѣхъ ея сосѣдокъ. Этой молодой женщиной, которую прославили богачихой, пришлось вести изнуряющее и притупляющее существованіе самыхъ бѣдныхъ рыбныхъ торговыхъ. Она вставала вскорѣ послѣ полуночи; ждала на взморьѣ, стоя въ лужѣ воды, плохо защищенная отъ холода старымъ плащомъ; шла пѣшкомъ въ Валенсію, сгибаясь подъ ношею, возвращалась домой только вечеромъ, истомленная голодомъ и усталостью; но считала себя счастливою, если только ей удавалось дать своему господину и повелителю средства для продолженія прежняго образа жизни и избавить его отъ униженій, которыя непременно бы отразились на ней ругательствами и придирками.

Чтобы Антоніо могъ провести ночь въ кофейной, въ обществѣ машинистовъ и судохозяевъ Росаріи нерѣдко приходилось утромъ, на рыбномъ рынкѣ, обуздывать свой волчій голодь, обостряемый дымящимся шоколадомъ и отбивными котлетами, которыя она видѣла на столахъ своихъ товарокъ. Она стремилась единственно къ тому, чтобы ни въ чемъ не чувствовала недостатка ея обожаемый мужъ, всегда готовый распалиться гнѣвомъ и осыпать проклятіями собачью

судьбу, наказавшую его этимъ бракомъ; и бѣдная невольница, все болѣе худая и изможденная, считала пустяками свои собственныя страданія, если у Антоніо была песета на кофе и домино, да еще обильный столъ и красивая фланелевая рубашка для поддержанія его старинной репутаціи. Это обошлось ей немножко дорого: она стала стариться, не достигши еще тридцати лѣтъ; зато гордилась, что имѣеть мужемъ красивѣйшаго парня въ Кабаньяль.

Денежныя затрудненія сблизили ихъ съ Ректоромъ, который быстрыми шагами шель къ богатству, тогда какъ сами они катились подъ гору, въ нищету. Въ тяжелыя минуты братья должны помогать другъ другу, это вполнѣ естественно; вотъ почему Росарія, хотя съ большой неохотой, посѣщала Долоресъ и согласилась, чтобы и мужъ возобновилъ съ нею родственныя сношенія. Въ сущности, ей это было весьма непріятно, но возражать не приходилосы невозможно было ссориться съ Ректоромъ, который часто давалъ имъ на жизнь, когда не было рыбы для продажи или когда красиво-му бездѣльнику не удавалось подхватить нѣсколькихъ дурувъ въ качествѣ посредника при мелкихъ портовыхъ сдѣлкахъ.

Однако, наступилъ день, когда обѣ женщины, ненавидѣвшія одна другую, утомились притворствомъ. Послѣ четырехъ лѣтъ замужества, Долоресъ оказалась беременною. Ректоръ блаженно улыбался, сообщая всѣмъ эту добрую вѣсть; сосѣдки тоже радовались, но не безъ лукавства. То было, правда, лишь подозрѣніе; но эту позднюю беременность со-

поставляли съ тѣмъ временемъ, когда Антоніо такъ сильно пристрастился къ дому брата, что просиживаль въ немъ долѣе, чѣмъ въ кофейныхъ. Обѣ невѣстки поругались со всею дикою откровенностью своихъ натуръ и разсорились окончательно. Съ тѣхъ поръ Антоніо сталъ одинъ ходить къ Ректору, хотя эти посѣщенія выводили изъ себя Росарію и вызывали супружескія ссоры, которыя неизмѣнно оканчивались для нея безжалостными побоями.

Время шло, но вражда Росаріи не утихала, и она безъ стѣсненія говорила, что ребенокъ Долоресъ похожъ на Антоніо. А послѣдній все шель на буксирѣ у старшаго брата, который продолжалъ снисходить къ нему по-прежнему и, несмотря на свою бережливость, позволялъ этому бездѣльнику обирать себя. Милая же дочка дядюшки Паэлы издѣвалась надъ Росаріей, которую называла «чахоточной» или «индюшкой», находила удовольствіе въ глумленіи надъ бѣдностью и трудами своей невѣстки и тщеславилась своею властью надъ Антоніо, который, какъ въ старину, былъ вѣчно пришить къ ея юбкамъ, точно покорный песъ.

Между старымъ домомъ покойника Паэлы, отремонтированнымъ и разукрашеннымъ, и жалкою лачугою, куда нишета загнала Росарію, не прекращалась непрерывная война, дерзости и насмѣшки. А добрыя сосѣдки съ самыми святыми намѣреніями брали на себя передачу упрековъ и ругательствъ подъ видомъ исполненія порученій.

Когда Росарія, красная отъ негодованія и со слезами на

глазахъ, чувствовала потребность излить свое горе и выслушать утѣшенія, она шла на взморье, въ кухню старой лодки, которая теперь потемнѣла и будто бы состарилась вмѣстѣ съ кабатчицей. Тамъ, опустивши голову съ унылымъ видомъ, она повѣствовала о своихъ печаляхъ синѣ Тонѣ и Росетѣ, которыя слушали въ молчаніи.

Несмотря на узы крови, мать и дочь жили въ глухой враждѣ и сходились только въ одномъ: въ ненависти и презрѣніи къ мужчинамъ. Лодка, дававшая имъ убѣжище, служила имъ какъ бы обсерваторіей, откуда онѣ, въ качествѣ строгихъ судей, наблюдали за всѣмъ, что происходило въ двухъ родственныхъ семьяхъ.

– Мужчины! вотъ ужъ настоящіе гады! – Синья Тона проносила это, искоса поглядывая на портретъ стражника, какъ бы царившій въ кухнѣ. – Да, всѣ мужчины – подлецы, которыхъ стоило бы повѣсить, да жалко веревки!

А Росета, съ яснымъ взоромъ своихъ прозрачныхъ и большихъ зеленыхъ глазъ, одноцвѣтныхъ съ моремъ, взглядомъ дѣвы, которая все знаетъ и уже ни передъ чѣмъ не ужасается, отвѣчала тихо и задумчиво:

– Кто изъ нихъ не подлець, тотъ дуракъ, какъ у насъ Ректоръ.

III

Хотя день былъ зимній, солнце жгло такъ сильно, что Ректоръ и Антоніо на взморьѣ забрались въ тѣнь старой лодки, лежавшей на песокѣ: «успѣютъ еще спалить себѣ кожу, когда выйдутъ въ море».

Они бесѣдовали медленно, точно усыпляемые блескомъ и зноемъ взморья. Какой роскошный день! Не вѣрилось, что приближалась Страстная недѣля, пора внезапныхъ дождей и вихрей. Небо, залитое свѣтомъ, казалось бѣловатымъ; серебряные обрывки облаковъ плыли по небу, какъ прихотливо брошенные ключья пѣны; а съ нагрѣтаго моря поднимался влажный туманъ, который обволакивалъ дальніе предметы и дѣлалъ ихъ очертанія дрожащими.

Взморье отдыхало. Бычій Дворъ, гдѣ, въ стойлахъ, пережевывали жвачку громадныя волю, употребляемые для выволакиванія лодокъ изъ воды, своею красною крышею и массивностью квадратной постройки съ синими рамками входовъ господствовалъ надъ длинными рядами вытасненныхъ лодокъ, изъ которыхъ на берегу составилъ цѣлый городъ съ улицами и переулками, нѣчто вродѣ лагеря грековъ героическаго періода, — тѣхъ временъ, когда биремы служили воинамъ вмѣсто окоповъ.

Латинскія мачты, граціозно склоненныя къ кормамъ, своими толстыми, тупыми концами напоминали копья, лишен-

ные наконечниковъ; просмоленные канаты, перекрещиваясь, казались ліанами въ этомъ лѣсу мачтъ; подъ защитой тяжелыхъ парусовъ, въ видѣ палатокъ расположенныхъ на палубахъ, возилось цѣлое населеніе людей-амфибій, съ красными, голыми ногами и въ шапкахъ, нахлобученныхъ до ушей: кто чинилъ сѣти, кто мѣшалъ въ жаровнѣ, на которой кипѣла вкусная уха; а въ жгучемъ пескѣ тонули пузатые ладьи, окрашенные въ бѣлую или синюю краску и похожія на брюха морскихъ чудовищъ, сладострастно растянувшихся на солнцѣ.

Въ этомъ импровизированномъ городѣ, которому, пожалуй, съ наступленіемъ сумерокъ предстояло исчезнуть и разсѣяться по безпредѣльности синяго горизонта, царили порядокъ и симметрія, достойные современнаго правильно-построеннаго города.

Первый рядъ, подступавшій къ самымъ волнамъ, которыя расплывались узорами по песку, состоялъ изъ легкихъ лодокъ для ловли болантиномъ⁷, маленькихъ и изящныхъ суденышекъ, казавшихся хорошенькими дѣтьми большихъ барокъ для «ловли быками», которыя составляли второй рядъ, расположенныя парами равной высоты и одинаковаго цвѣта. Третій и послѣдній рядъ занимали ветераны моря, старыя лодки съ развороченными боками, сквозь черныя щели которыхъ видны были ихъ полусгнившіе остовы; своимъ печальнымъ видомъ онѣ напоминали несчастныхъ

⁷ Болантинъ – родъ удочки, которую лодка тащитъ за собою.

клячь, предназначенныхъ для боя съ быками, и казались погруженными въ раздумье о неблагодарности людей, безжалостно покидающихъ старость.

Развѣшанныя на мачтахъ для просушки, красноватая сѣти волнообразно двигались по вѣтру вмѣстѣ съ фланелевыми рубашками и панталонами изъ желтой байеты (толстая шерстяная матерія, которая въ старину фабриковалась больше всего въ Сеговіи); надъ этими великолѣпными украшеніями летали чайки, точно пьяныя отъ солнца, описывая круги до тѣхъ поръ, пока не опускались на минуту на спокойное, сѣро-зеленое море, которое лишь слегка зыбилось, какъ бы вспыхивая мѣстами подъ полуденнымъ солнцемъ.

Ректоръ говорилъ о состояніи неба, осматривая море и сушу своими желтоватыми глазами, напоминавшими смирнаго быка. Онъ слѣдилъ взглядомъ за островерхими парусами, которые выдѣлялись на зеленовато-сѣрой линіи горизонта, точно крылья голубокъ, слетѣвшихъ туда напиться; потомъ онъ глядѣлъ на берегъ, который загибался, чтобы образовать заливъ, окаймленный пятнами зелени и бѣлыхъ деревушекъ; смотрѣлъ на холмы Пунга, громадныя опухоли на этомъ низкомъ берегу, который море заливаешь въ минуты гнѣва, — на Сагунтскій замокъ, укрѣпленія котораго волнообразно охватываютъ длинную гору цвѣта жженаго сахара, а со стороны суши — на зубчатую цѣпь, замыкающую горизонтъ и застывшую волною краснаго гранита, языки которой какъ будто лижутъ небо.

Хорошая погода наступила; это утверждалъ Ректоръ, а въ Кабаньялѣ было извѣстно, что въ такихъ предсказаніяхъ онъ былъ столь же непогрѣшимъ, какъ его бывшій хозяинъ, дядя Борраска. На будущей недѣлѣ, пожалуй, подуетъ раза два, но дѣло кончится пустяками; и надо благодарить Бога, такъ скоро пославшаго конецъ бурной порѣ, чтобы дать честнымъ людямъ безопасно добыть себѣ хлѣба,

Паскуало говорилъ медленно, пожевывая свою черную жвачку изъ контрабанднаго табаку и подчиняясь величавому безмолвію взморья. Порою надъ тихимъ плескомъ спокойной воды поднимался далекій голосъ дѣвочки, и этотъ голосъ, какъ бы выходя изъ подъ земли, затягивалъ пѣсню съ однообразнымъ припѣвомъ; или протяжно раздавалась: «Эй – ну!.. Эй – ну!..» матросовъ, тянувшихъ мачту въ тактъ этому сонному восклицанію; или растрепанныя женщины съ лодокъ сорочьими криками созывали къ обѣду «кошекъ», забравшихся въ стойла смотрѣть воловъ. Тяжелые молотки конопатчиковъ били съ правильною непрерывностью. Но всѣ эти звуки тонули въ торжественномъ покоѣ воздуха, пронизаннаго солнцемъ, въ которомъ звуки и предметы заволакивались какимъ-то свѣтозарнымъ и фантастическимъ туманомъ.

Антоніо глядѣлъ на брата вопросительно, ожидая, чтобы тотъ, со свойственною ему невозмутимую флегмою, изложилъ свой планъ.

Наконецъ, Ректоръ объяснился, высказавъ дѣло въ двухъ

словахъ. Ему надобно добывать деньги такъ медленно и захотѣлось попытать счастья, какъ дѣлають другіе. На морѣ всѣмъ хватить хлѣба, только однимъ онъ достается черный, цѣною обильнаго пота, тогда какъ другіе умѣють захватить его побольше и повкуснѣе, если у нихъ хватаетъ духа на рискъ. Поняль-ли это Антоніо?

Не дожидаясь отвѣта, онъ всталъ и пошелъ къ носу старой барки, чтобы взглянуть, не подслушиваетъ ли кто съ той стороны.

Нѣтъ, тамъ никого не оказалось. Взморье было пустынно. Не замѣчалось ни души на всемъ обширномъ пространствѣ этого берега, гдѣ лѣтомъ ставятся будки для купальщиковъ изъ Валенсіи. Совсѣмъ вдали, близъ гавани, торчаль лѣсъ мачтъ, вѣяли флаги, виднѣлись красныя и черныя трубы, путаница рей и подъемные краны, похожіе на висѣлицы.

Левантинскій молъ вытягивался въ море, точно циклопическая стѣна изъ красноватыхъ плитъ, разбросанныхъ землетрясеніемъ и потомъ слѣпившихся, какъ попало. За нимъ кучею высились строенія Грао, большіе дома съ магазинами, экспортными конторами, пароходными агентствами, банками, мѣняльными лавками – всею аристократіею порта; затѣмъ глаза по прямой линіи встрѣчали длинный рядъ крышъ Каньямелара, Кабаньяля, Французскаго Мыса⁸, – длинный

⁸ Городъ Валенсія стоитъ на правомъ берегу рѣки Гвадалавьяра (Туріи), верстахъ въ четырехъ отъ моря. На лѣвомъ берегу рѣки, близъ устья и нѣсколько къ сѣверу, расположенъ Грао, пригородъ и портъ Валенсіи, соединенный съ городомъ дорогою, обсаженной платанами. Кабаньяль, Каньямеларъ и «кварталь ла-

рядъ разноцвѣтныхъ построекъ, становившихся все меньше по мѣрѣ удаленія отъ порта: съ одной стороны находились многоэтажныя дачи съ кокетливыми башенками, а съ другого края, примыкавшаго къ равнинѣ, – бѣлыя мазанки, соломённые кровли которыхъ сползли набокъ отъ низовыхъ вѣтровъ.

Убѣдившись, что нѣтъ свидѣтелей, Ректоръ вернулся и сѣлъ рядомъ съ братомъ.

Этотъ планъ вбила ему въ голову жена и, хорошенько обдумавъ, онъ нашель его осуществимымъ. Предполагалось сѣздить на «тотъ берегъ», въ Алжирь, какъ бы перейти на другой тротуаръ синей и подвижной улицы, столь знакомой рыбакамъ. Но ѣхать-то слѣдовало не за рыбой, которой не всегда ловишь, сколько хочешь, а за табачной контрабандой, чтобы набить лодку до бортовъ тѣмъ превосходнымъ табакомъ, который зовутъ «Цвѣтомъ мая». «Ахъ, Господи Боже! вотъ это – дѣло! Ихъ покойный отецъ не разъ такъ искушалъ судьбу. Что думаетъ объ этомъ Антоніо?»

Честный Ректоръ, неспособный нарушить распоряженіе полиціи или портового начальства, блаженно посмѣивался при мысли объ этомъ тайномъ предпріятіи, съ которою носился уже нѣсколько дней; въ воображеніи онъ уже видѣлъ на пескѣ тюки, зашитые въ клеенку. Какъ настоящій берего-

чугъ» – кварталы Грао, лежащіе вдоль моря и населенные рыбаками. Здѣсь много простыхъ, крытыхъ соломою хатъ, въ какихъ живутъ валенсійскіе крестьяне. Хурта – обширная плодородная равнина по обѣ стороны рѣки.

вой уроженецъ, не забывшій о подвигахъ предковъ, онъ считалъ контрабанду занятіемъ самымъ естественнымъ и почетнымъ для человѣка, желающаго отдохнуть отъ рыбной ловли.

Антоніо одобрилъ. Онъ уже участвовалъ въ двухъ такихъ поѣздкахъ въ качествѣ простаго матроса; теперь, когда на молѣ работы не было, а дядя Марьяно слишкомъ долго не доставалъ ему той должности въ гавани, какую обѣщалъ, онъ не видѣлъ причины отказать брату.

Ректоръ продолжалъ свои разъясненія: главное уже было на лицо: собственная лодка, «Красотка». Когда при этихъ словахъ Антоніо вскрикнулъ отъ удивленія и испуга, братъ счелъ нужнымъ высказаться подробнѣе. Разумѣется, онъ знаетъ, что лодка эта – почти развалина, что бока у нея разлѣзлись, а палуба опустилась до самаго киля: корыто, которое, очутившись на волнахъ, гудитъ, какъ старая гитара; но его не надули при покупкѣ: онъ далъ всего тридцать дуру, цѣну дерева, не болѣе. Ну, этого за глаза довольно для людей, знакомыхъ съ моремъ и могущихъ переплыть хоть въ лаптѣ! – Къ тому же, – прибавилъ онъ, прищуривъ глазъ, съ лукавымъ видомъ наивнаго взрослого ребенка, – съ такою лодкою и убытокъ невеликъ, если таможенная шлюпка насъ и подцѣпитъ!

Этимъ доводомъ божественной простоты Ректоръ убѣждалъ себя, что его смѣлое предпріятіе вполнѣ благоразумно, и ни на секунду не вспомнилъ о томъ, что ставить на карту

жизнь свою.

Антоніо и еще два вѣрныхъ челоуѣка должны были составлять экипажъ. Оставалось только потолковать съ дядей Марьяно, у котораго сохранились въ Алжирѣ знакомства еще съ той поры, какъ онъ самъ велъ подобный торгъ. Какъ челоуѣкъ, принявшій рѣшеніе, въ которомъ онъ нетвердъ, Ректоръ не захотѣлъ терять времени, чтобы не раздумать, и предложилъ тотчасъ идти къ этому могущественному лицу, съ которымъ они имѣли честь состоять въ родствѣ и котораго звали «дядюшкой».

Въ эту пору дядя Марьяно обыкновенно курилъ свою трубку въ кофейнѣ Карабины; туда и пошли оба брата.

Идя мимо Бычьяго Двора, они взглянули на старый материнскій трактиръ, все болѣе чернѣвшій и разрушавшійся, и привѣтствовали словами: «Здорово, мать!» лоснящееся лицо, съ толстыми обвислыми щеками, обрамленными бѣлыми шелковымъ платкомъ, похожимъ на монашескій, которое показалось въ окошечкѣ надъ конторкою, подобномъ слуховому. Нѣсколько грязныхъ и худошавыхъ овецъ пережевывали чахлую траву, взросшую близъ моря; лягушки кричали въ лужахъ, примѣшивая свое однообразное кваканье къ спокойному плеску прибрежныхъ струй; а по сѣтямъ цвѣта виннаго осадка, униженныхъ пробками и растянутыхъ на песокъ, ходили пѣтухи, кое-что поклевывая и топорща свои перья, отливавшія металломъ.

Около газоваго завода, на берегу канала, колѣнопрекло-

ненныя женщины, проворно шевеля задами, стирали бѣлье или мыли посуду въ грязной водѣ, загнившей надъ иломъ, полнымъ смертельныхъ міазмовъ. Конопатчики съ молотками въ рукахъ сутились возлѣ остова черной лодки, походившей издали на скелетъ допотопнаго чудовища; а канатчики, обмотавши тѣло пенькою, пятась, шли по берегу и крутили въ проворныхъ пальцахъ все удлиннявшуюся веревку.

Братья пришли въ Кабаньяль, въ тотъ кварталъ мазанокъ, гдѣ живутъ бѣдняки, отданные нищетою въ рабство морю.

Тутъ улицы были настолько же прямы и правильны, насколько постройки отличались разнообразіемъ: кирпичный тротуаръ шель то выше, то ниже, сообразно высотѣ пороговъ; и вдоль грязной улицы, исполосованной глубокими колеями и испещренной лужами отъ дождя, прошедшаго еще нѣсколько недѣль назадъ, два ряда карликовыхъ оливъ задѣвали прохожихъ своими запыленными вѣтвями, между которыми тянулись захлестнутыя за узловатыя стволы веревки съ развѣшаннымъ для просушки бѣльемъ.

Бѣлыя мазанки чередовались съ современными домами въ нѣсколько этажей, покрытыми лакомъ, какъ новыя лодки, и выкрашенными по фасаду въ два цвѣта, точно ихъ владѣльцы даже на сушѣ не могли отдѣлаться отъ мысли о грузовой ватерлиніи. Надъ нѣкоторыми дверями выступали украшенія, напоминавшія рѣзныя фигуры на кормахъ, и все вмѣстѣ вызывало въ памяти былую жизнь на морѣ смѣсю красокъ и линій, придававшюю зданіямъ видъ судовъ на су-

ШБ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.